

Надежда и Николай ЗОРИНЫ

*Ты уверен,
кто сам управляет своим разумом?*

*Программист
жизни*

Игры чужого разума

Николай Зорин

Программист жизни

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зорин Н.

Программист жизни / Н. Зорин — «Эксмо», 2017 — (Игры чужого разума)

ISBN 978-5-699-95524-4

У частного детектива Виктора Лаврова украли мобильный телефон – случай в наше время рядовой. Виктор одолжил старый ненужный аппарат у приятеля, технического гения Бориса Стотланда. С этого момента жизнь Виктора и его жены Полины превратилась в кошмар: в памяти телефона Бориса обнаружился снимок погибшего много лет назад восемнадцатилетнего брата Виктора, Стаса. Только на этом фото Стас выглядел на тридцать лет – именно столько ему было бы сейчас, останься он в живых. Полина, обладающая способностью проникать в сознание людей в пограничном состоянии между жизнью и смертью, настояла на том, чтобы «увидеть» момент гибели брата Виктора глазами Стаса. Однако ее видение настолько осложнило ситуацию, что поставило их с Виктором семейную жизнь на край гибели...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95524-4

© Зорин Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Надежда и Николай Зорины

Программист жизни

© Зорина Н., Зорин Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть 1

В том, что на фотографии мой брат, у меня больше нет никаких сомнений. Это именно Стас, а не его двойник и не результат фотошопа. На снимке ему около тридцати. Это настолько невозможно, настолько абсурдно, что единственное объяснение, которое приходит мне в голову: я сошел с ума и сам того не заметил.

Стас погиб на моих глазах, когда ему было восемнадцать. Его сбила машина. Это произошло двенадцать лет назад. То есть сейчас ему было бы тридцать. Ровно столько, сколько мужчине на фотографии, как две капли воды похожему на моего брата. Похожему? Да нет, ведь сомнений, что это Стас, у меня больше не осталось. Это сначала я думал – двойник, фотошоп, обман зрения, прокручивал разные варианты, но теперь-то точно знаю, что никаких вариантов быть не может. Этот тридцатилетний мужчина в строгом костюме с кейсом в руке – Стас.

Означать это может только одно – безумие. Возможно, оно поразило меня тогда, двенадцать лет назад, и я вообразил гибель брата. А возможно, теперь, и мне только кажется, что я вижу эту фотографию.

Битый час я сижу, тупо уставившись в экран монитора, битый час пытаюсь найти другое объяснение. Все-таки сумасшедшим себя совсем не ощущаю. Я прекрасно помню, как все случилось. И сегодняшний день тоже помню в мельчайших подробностях. Он был удивительно счастливым, этот сегодняшний день. Из тех, когда испытываешь радость без всякой причины.

Мы с Полиной провели его на пляже, загорали, купались, пообедали в плавучем ресторанчике «Нептун», и все было так замечательно. Тайно, когда точно знал, что Полина не услышит щелчка, я ее фотографировал. Она этого терпеть не может, но мне просто необходимо было запечатлеть ее счастливое лицо, увековечить наш необыкновенно удачный день. А потом я жутко волновался, что снимки получились смазанными, все не мог дождаться ночи, когда моя утомленная переизбытком счастья жена ляжет спать и я смогу наконец это проверить. Возню с фотографиями она тоже не любит. Да это и понятно: нельзя любить то, что увидеть невозможно.

Я зря волновался, фотографии получились прекрасно, ни одна не смазалась, везде ракурс был выбран верно. Я любовался Полиной и испытывал самую настоящую эйфорию. Если бы кто-нибудь заглянул в окно, он увидел бы блаженного идиота, сидящего в комнате за компьютером. Этот идиот разговаривал сам с собой, комментируя наиболее удачные кадры, самому себе улыбался. Хорошо, что мы живем на седьмом этаже, и никто в окно заглянуть не может. А впрочем, кому какое дело, я имел полное право радоваться и даже чуть-чуть гордиться. И собой, и Полиной. Нам нелегко пришлось. Три года назад Полина потеряла зрение и приобрела (взамен или в дополнение к несчастьям?) свой мучительный дар – видеть и слышать людей, находящихся между жизнью и смертью, проживать их последний час. Но на этих фотографиях она выглядела здоровой, счастливой, спокойной, уверенной в себе женщиной. Такой, как все женщины на пляже. Вот Полина идет к воде, так легко идет, так прямо держит спину, что и не скажешь, что никакой воды она не видит, не видит берега, не видит солнца, не видит меня, не отрывающего от нее глазка камеры телефона. И счастье, безудержное счастье наполняет меня: самое страшное осталось позади, она больше совсем не ощущает своей слепоты, да и ничто другое в этот момент ее не тревожит. Вот Полина плывет, вот Полина смеется, повернувшись ко мне, вот Полина загорает на покрывале. Полина, Полина, Полина... Я еле дождался ночи. Это белое платье на ней потрясающе смотрится. В этой шляпе она такая смешная... И вдруг мое счастье внезапно закончилось. Меня словно ударили наотмашь, так, что дыхание прервалось. Фотография, которую я увидел в следующий момент, сбила, как шар кегли, все мое счастье.

В первый момент я был так потрясен, что даже думать ни о чем не мог. Потом, когда способность мыслить вернулась, я стал перебирать различные варианты объяснения: двойник, фотошоп, обман зрения. Но все они разбились о факты. Прежде всего я отмел возможность двойника. Два человека могут быть похожи. Допускаю, даже очень похожи, но у них не может быть одинаковой истории жизни, одинаковой «карты» лица, одинакового характера. Маленький, но вполне заметный шрамик над бровью доказывал, что это мой брат – я прекрасно помню его происхождение, родинка у носа доказывала, а главное доказательство – особенное выражение глаз и изгиб губ, словно он изо всех сил сдерживает приступ смеха. Прическа немного другая, но волосы – светло-русые, волнистые, пышные, слегка торчащие кверху, – безусловно, его.

Потом я проверил фото по специальной программе. Оказалось, что вмешательства редактора нет, фотография подлинная, не обработанная фотошопом.

И все же поверить в то, что Стас жив, я не могу. Снова и снова сравниваю образ этого тридцатилетнего мужчины с воспоминаниями о моем мертвом брате. Стас никогда не надел бы такой костюм, он совершенно не вяжется с его обликом, Стас никогда не обзавелся бы таким кейсом, а главное – он не способен был на такую жестокую шутку: умереть, а потом вот так неожиданно воскреснуть.

Что же я делаю? Зачем пытаюсь себя убедить, что этот человек на снимке не может быть моим братом? Почему бы просто не радоваться, почему бы не предаться мечтам, пусть и о невозможном? Мой брат жив, мы с ним обязательно встретимся. Ведь случаются же время от времени чудеса.

Я устал, я измучился, но никак не могу заставить себя оторваться от экрана. Глубокая ночь. Самое лучшее, что я могу сделать, – это лечь спать. Утром, возможно, все будет восприниматься по-другому. Но фотография брата не желает меня отпускать, требует срочно найти какое-то объяснение, не откладывая на завтра.

Ну какое, какое объяснение можно найти? Ведь уже ясно, что человек на фотографии – не двойник моего брата и не результат фотошопа. Сначала, когда первое потрясение прошло, когда я отмел версию о двойнике, я подумал, что это шутка Бориса. Это он одолжил мне телефон, в котором и оказалась фотография Стаса. «Состарить» лицо в фотошопе этому техническому гению не составило бы труда.

По дороге на пляж мы с Полиной решили заехать к нему, оставить аванс за новую чудокамеру скрытого наблюдения. Борис Стотланд – поставщик «шпионской» техники, без которой в нашем деле частных детективов не обойтись. Но с нами произошло одно происшествие.

Мы попали в пробку и застряли довольно надолго. К машине подошел мальчик лет десяти, попросил денег на хлеб и рассказал свою печальную историю. Знаю-знаю, что все это только разводка для дураков, штамп разводки, классика жанра. Но отказывать детям я не могу, просто физически не могу. И, конечно, последствия не заставили себя ждать.

Пропажу телефона я обнаружил уже у Бориса. Мобильник лежал у меня в кармане рубашки – вытащить его не составило бы труда любому начинающему воришке. Борис, проникнувшись ситуацией, одолжил мне свой старый телефон. Объяснил, что камера в нем прекрасная, а вот батарея никуда не годится, зарядку держит недолго, поэтому он и пользовался телефоном мало – промучившись пару месяцев, купил новый. Я его поблагодарил, и мы с Полиной отправились отдыхать.

Так что подозрения мои в первую очередь пали на Бориса. Я схватил мобильник и стал ему звонить, но у него телефон был отключен. И только потом я сообразил посмотреть на часы – оказалось, что уже половина второго. Борис на ночь отключается от всего мира. Он вообще человек со странностями.

Я снова повернулся к экрану монитора, отчаянно надеясь, что картинка изменилась – морок прошел, на фотографии окажется не Стас, а какой-нибудь незнакомый человек, слегка похожий на моего брата. Но, конечно, ничего измениться не могло. Вот он, шрам, вот она,

родинка, вот его особая улыбка. Безумие продолжалось. И, уже отдаваясь ему вполне, я провел пальцем по шраму. «Ты помнишь, как это случилось? – спросил я брата. – А я помню».

Стасу тогда было девять лет. Родители на день рождения подарили ему ролики. Он удивительно быстро научился кататься. Буквально встал и поехал. Его легкое, гибкое тело просто создано было для роликов. Но кататься по дорожкам в парке ему быстро надоело, он стал придумывать всякие штуки: то по лестнице с пятого этажа съедет, то с крышки мусорного бака спрыгнет. А однажды, демонстрируя мне, как здорово он умеет кататься, съехал с крыши подвала, но неудачно – угодил в открытый канализационный люк прямо на голову сантехнику, который что-то там чинил. Стас довольно сильно ударился головой, разбил лицо. В конце концов все обошлось, только небольшой шрамик над бровью остался, но в тот момент... Не знаю, чего было больше: крови, мата рабочего, ужаса мамы, когда я позвонил ей из приемного покоя травматологии. Стас, когда ему зашили голову, вежливо поблагодарил хирурга и спросил, когда приходить в следующий раз. Хирург рассмеялся, чем очень обидел Стаса, и сказал, что самое лучшее – не приходить никогда.

Боже мой, как давно я не вспоминал эту историю! Как давно я не вспоминал Стаса! Я научился жить так, будто у меня никогда не было брата. Это было непросто! А теперь придется начинать сначала. Воспоминания замучают. Воспоминания и это невыносимое чувство вины.

Но что, если он жив? Ведь эта фотография как раз и доказывает...

Ничего она не доказывает! Я помню, как он погиб. Я помню, как мы его хоронили. На кладбище, когда настала моя очередь попрощаться, я точно так же провел пальцем по его шраму. Я помню, помню это страшное ощущение: прикосновение к неодушевленному предмету. Не может этот тридцатилетний мужчина на фотографии быть моим братом! Но кто он тогда?

Я услышал, как в соседней комнате заворчалась Полина. Или мне это только показалось? Полина... Сегодняшний день был таким счастливым! И вся моя жизнь после того, как я смог успокоиться, отрешиться от мертвого брата, была вполне счастливой. Но ведь какой ценой мне это далось! Несправедливо, нечестно снова возвращать меня в безнадежный кошмар его смерти. Я не хочу, не могу опять проходить этот путь. И не буду! Кто меня может заставить? Вот возьму сейчас и «грохну» эту невозможную фотографию, уйду спать, а наутро и не вспомню о том, что произошло сегодня. Кто меня за это осудит? Кто посмеет осудить? Да никто ведь о фотографии и не знает...

Знает. Борис Стотланд. И не только знает, но и как-то ко всему этому причастен. Вот только как и к чему? Предположить, что он сфотографировал Стаса, я не могу. Это просто невозможно. Стас умер двенадцать лет назад. Обработка фотошопом исключается. Что же тогда?

Чтобы окончательно не сойти с ума, я заставляю себя оторваться от экрана, поднимаюсь, заглядываю в спальню. Полина спит. Так спокойно, по-детски спит, что мне хочется лечь рядом, прижаться к ней и выбросить из головы того, кто остался на экране. Из окна сквозь неплотно задернутые шторы льется лунный свет фонаря, мне прекрасно видно ее лицо. Я наклоняюсь к Полине, тихонько целую ее в освещенный белым, лунным светом фонаря лоб и возвращаюсь на свою голгофу. На экране мой брат. Ему тридцать лет. И что с этим делать – неизвестно.

Мы страшно тяжело переживали его смерть – и родители, и я. Но каждый сходил с ума в одиночку. Почему-то эта трагедия нас совершенно разобщила. Раньше у нас была дружная, счастливая семья, а после похорон Стаса она тут же распалась на отдельных, посторонних друг другу сумасшедших. Отец ни с кем вообще не разговаривал, жил как квартирант, поссорившийся со своими соседями. Мама, совершенно с нами не считаясь, повсюду развесила фотографии Стаса. В комнате, нашей с братом общей, а теперь только моей, не позволяла ничего ни менять, ни убирать. Рубашка Стаса, которую он в тот день кинул на кровать перед выходом из дома, так и пролежала там весь год. С его стола, заваленного конспектами и распечатками,

даже пыль не стирали. А я... Такое разобщение семьи произошло потому, что каждый из нас обвинял себя в его смерти. Но я-то был больше всех виноват, ведь Стас погиб на моих глазах. Больше всех виноват и больше всех прикован к его смерти. Я продолжал жить в этой комнате, где мы обретались вдвоем, где все еще звучал его голос, его смех, его шуточки... где так и осталась лежать его рубашка на кровати.

Может, тогда-то и произошел сдвиг у меня в голове. Может, тогда позвонили... откуда-нибудь... с кладбища! И сказали, что его смерть – ошибка, но я этого не воспринял, не понял. Продолжал лежать на соседней с рубашкой кровати в комнате с призраком мертвого брата, прокручивать в голове воспоминания о нем, живом. Эта комната затягивала меня в свой омут. В университет я не ходил, ничего не делал, изводил себя воспоминаниями, но в голове вдруг начинал звучать набат этих черных колоколов из композиции «Black Sabbath» – и сцена смерти Стаса возникала отчетливо, ярко, как на экране.

Как же не вяжется этот строгий костюм с образом моего брата! Не вяжется и чем-то тревожит – не могу понять чем. Он никогда не носил никаких костюмов. Когда он погиб, на нем были потрепанные джинсы и ярко-оранжевая футболка с надписью: «Стас над вами смеется». Он смеялся над всем и всегда. Неужели и теперь вот так посмеялся?

Выскочить из этого безумия я смог благодаря моему однокурснику Сереге Битову. Однажды он появился в моей комнате, стащил с кровати и привел в свой подвал, где репетировала рок-группа, которую Серега тогда как раз организовал. Я играл на бас-гитаре, впрочем, очень посредственно, и в тот момент о чем о чем, а о музыке и думать не хотелось, мне хватало моих колоколов в голове. Но Серега настоял, я вошел в группу, и мы даже пару раз выступили. Потом группа распалась, но дело было сделано: от безумия я спасся. Встряхнулся, понял, что от призрака нужно бежать, чем скорее, тем лучше, и переехал в квартиру, оставшуюся после смерти бабушки. Родители были категорически против, но я настоял на своем. Мы даже рассорились. А когда месяца через три заехал их навестить, от Стаса не только в нашей бывшей комнате, но и во всей квартире не осталось и следа. Все его вещи, все фотографии были убраны. И с тех пор мы о нем никогда не говорили, даже имя его не упоминалось в нашей семье.

Но, может, я ошибался тогда? Ни от какого безумия вовсе не спасся, а, наоборот, увяз в нем окончательно? Или оно затаилось на время, чтобы нанести удар сейчас?

Я никогда никому не рассказывал эту историю, даже Полине. Она знает лишь, что у меня был младший брат, что он погиб много лет назад... Хорошо, что это произошло ночью – Полина спит, ничего не ведает. У меня есть время все обдумать. Хотя... что тут можно обдумать? Никакого рационального объяснения этой фотографии нет и в принципе быть не может. Стас умер на моих глазах. Конечно, заманчиво было бы думать, что он остался жив и жил все эти годы где-то, по каким-то причинам скрываясь от нас. Заманчиво, но невозможно.

Измучившись, я нажал на стрелку «назад», где на фото была Полина в шляпе, такая забавная. Отдохнул взглядом и снова вернулся к Стасу. Увеличил, чтобы рассмотреть в подробностях его лицо, затем уменьшил, чтобы увидеть его как бы со стороны, посмотреть, так сказать, объективным взглядом. Но ничего не изменилось. Это мой брат, без сомнения. Мой брат, погибший в возрасте восемнадцати лет. Которому здесь, на фотографии, забитой в память чужого телефона, тридцать.

– Почему ты не ложишься?

Я вздрогнул от Полининого голоса и судорожно прикрыл монитор двумя руками. И обругал себя идиотом.

– Скоро лягу. А ты почему проснулась? – Я повернулся к ней – лицо у нее было совершенно не заспанное. Неужели она о чем-то догадалась?

– Не знаю. Просто проснулась и почувствовала: что-то случилось.

– Ничего не случилось, – я постарался сказать это легким, беззаботным тоном, но вышло сердито и напряженно – Полина мне не поверила.

– Рассказывай! – потребовала она.

Ну как я мог ей это рассказать? Моя жена жила в счастливой уверенности, что ее муж – абсолютно нормальный человек. А теперь получается, что она заблуждалась. Да и я заблуждался на свой счет. Но дело, конечно, было не в этом.

Полина обняла меня сзади за шею, прикоснулась губами к затылку и так замерла. Не поворачиваясь, я погладил ее по руке – голой, теплой, невыносимо любимой руке – и чуть не разрыдался. Она поняла и обняла крепче, успокаивая, жалея, переполняясь состраданием.

– Рассказывай, – мягко-мягко повторила она, не отрывая губ от моего затылка – от этого слова звучали чуть-чуть шепеляво. – Я же знаю, что что-то произошло.

– Я тебя фотографировал, – начал я с не самого главного.

– Знаю. – Я почувствовал, что она улыбнулась. – Неужели ты думал, что я ничего не чувствовала?

– Прости.

– Простила. – Полина вздохнула и чуть-чуть от меня отстранилась. – Так что же случилось?

– Ты же знаешь, у меня сегодня увели телефон, – начал я опять не с самого главного – с самого главного никак не получалось начать.

– Ну да... И что?

– Борис одолжил мне свой старый. А там...

Я замолчал, не представляя, как все это рассказать. Совершенно ведь дикая история получается.

– У меня был брат, – предпринял я новую попытку и опять замолчал.

– Я помню, ты рассказывал, – каким-то осторожным и немного удивленным голосом – ведь эта тема в нашей семье табу – проговорила Полина. И добавила еще осторожней: – Младший брат Стас, года на четыре тебя моложе.

– Да. Он погиб в восемнадцатилетнем возрасте, и вот...

Я не знал, как продолжить. Голос сел, слова просто отказывались выговариваться. Полина тоже молчала, не зная, как мне помочь. Я откашлялся, но это не помогло.

– В общем, сегодня, – сильным голосом сказал я, – в телефоне Бориса обнаружилась фотография моего брата. И на этой фотографии Стасу тридцать лет.

Полина так долго ничего не говорила, что я подумал: она не услышала или не поняла, что я ей сказал. Потом расцепила руки – все это время она меня обнимала – и вышла на кухню. Я услышал, как хлопнули дверцы шкафа, что-то звякнуло, с чмокающим звуком открылся и закрылся холодильник. Через пару минут Полина вернулась в комнату, неся на подносе коньяк, две стопки и очищенный, нарезанный кружочками банан на тарелке.

Мы молча выпили. И почти сразу мне стало легче. Хотя от банана в качестве закуски слегка замутило.

– Я так понимаю, – заговорила Полина, – возможность фотошопа ты проверил.

– Проверил.

– Но... может, на фотографии не он?

– Он.

– Тогда... – начала Полина и замолчала. Я понял, о чем она подумала. Полина шла по тому же пути, что и я, – перебирала все те же варианты. Впрочем, никакого другого пути тут и быть не могло. И никаких других вариантов. Если, конечно, не считать четвертого: я просто сошел с ума.

– Это невозможно, – я вздохнул и налил себе еще коньяку. – Ты будешь?

– Нет, спасибо.

– Стас погиб на моих глазах. Ошибка исключена.

Я покрутил в руке стопку, осторожно поставил на поднос, стараясь, чтобы она не звякнула. Но она все же звякнула, задев бутылку. И вся картина гибели брата вдруг опять высветилась у меня в голове, совсем как тогда, много лет назад в нашей с братом общей комнате.

– Колокола, – сказал я опять неестественно сиплым голосом, – этот набат черных колоколов преследовал меня несколько лет. Я долго старался забыть... но они все звучали и звучали. Невыносимо! Он слушал «Black Sabbath». Знаешь, у них есть такая одноименная композиция «Черный шабаш». Вот она и звучала тогда. Стас перед выходом перетащил на плеер папку с моей музыкой. Он раньше никогда не слышал «Black Sabbath». И тут не успел дослушать.

Я снова, уже специально, стукнул стопкой о край бутылки, послушал звон – он так долго не стихал, будто не только стопка, но и бутылка была из хрусталя.

– Все случилось недалеко от нашего дома. Было ужасно жарко. Мы решили купить мороженого. Я встал в очередь, а Стас отошел в тень под клен. Не знаю, что его на дорогу понесло. И в какой момент он туда дернул. Буквально минуты за две до этого я оглянулся – он спокойно стоял, слушал плеер. Он тогда вообще с ним не расставался. Меня просто бесила эта его привычка: ей-богу, жить как с глухим. Я хотел у него что-то спросить, но понял, что он меня не услышит, и отвернулся. А тут как раз моя очередь подошла.

Я посмотрел на Полину. Она сидела в кресле, обхватив колени руками. На лице была такая скорбь, что я не выдержал, отвел глаза. Мне казалось, что она меня видит. Мне часто так кажется!

– Этот дьявольский скрежет, этот истерический визг тормозов тоже долго меня преследовал. И стук, и... Все побежали к дороге: и люди из очереди у киоска с мороженым, и прохожие, и продавцы ларьков. Я тоже побежал, уже зная, что там мой брат.

Я сказал, что Стас погиб на моих глазах, но это не совсем так. Я не видел момента, когда его сбила машина. Хотя... ведь он не сразу умер. Еще минут десять или больше был жив. Все время, пока звучал этот чертов «Черный шабаш».

Стас лежал на дороге. Один наушник выпал – из него-то и слышна была музыка. А я никак не мог сообразить, как выключается плеер. И водитель, который его сбил, тоже почему-то не мог. Он все время был тут, ужасно суетился, ужасно мешал. Пожилой, уже почти старик, совершенно седой. Он не виноват был, его потом полностью оправдали. Но тут ужасно мешал. Я пытался нащупать пульс, но из-за музыки не получалось – плеер был прикреплен к футболке на груди Стаса и сам создавал свой ложный музыкальный пульс. Наконец водитель догадался просто снять с него плеер, и пульс я нащупал. Но слабый, неровный. А когда приехала «Скорая», его и совсем не стало.

Я замолчал. Полина сидела все с тем же выражением на лице, словно меня видела. Я налил себе коньяку, выпил, поставил стопку, специально стукнув о бутылку, вслушиваясь в «свои» колокола. Теперь, после того как я все рассказал Полине, мне не хотелось больше их в себе заглушать. Пусть звучат. Может, что-нибудь и расскажут. Я так мало знаю о двух последних годах жизни брата...

– Плеер, – вдруг сказала Полина.

– Плеер? – не понял я.

– Ведь твой брат умер не сразу, какое-то время жил. Где плеер, который тогда слушал Стас?

– Не знаю. Может, у родителей сохранился. Хотя... вряд ли. Видишь ли, в нашей семье не принято говорить о Стасе. Каждый обвиняет в его смерти себя. И мама, и папа. И я тоже. Стас незадолго до этого несчастного случая проходил курс в реабилитационном центре от наркозависимости.

– Вот как?! – Кажется, Полину это поразило. Ну конечно, она и представить себе не могла, что в нашей семье могли быть проблемы подобного рода. – Он был наркоманом?

– Ну нет, все не совсем так! – с жаром принялся я реабилитировать брата в ее глазах. – Пробовал пару раз покурить травку. Мама узнала, всполошилась. У Стаса была одна неприятная особенность – очень быстрое привыкание ко всему. В детстве у него возникла даже зависимость от санорина. И насморк-то был всего неделю, а отвыкнуть от капель потом долго не мог. Ну вот, мама, как узнала, что он травкой балуется, сразу его в этот центр и потащила. Я тогда был в армии. Мне они, конечно, ничего туда об этом не писали, потом уже рассказали, когда я пришел. Мы думали, что у Стаса какой-то рецидив произошел, какой-то психоз на этой почве. Решили, что он специально под машину бросился. Потому и обвиняли себя. Родители – за то, что недосмотрели вовремя, я... Мне трудно объяснить. Но если бы я знал больше о жизни брата, если бы тогда за этим чертовым мороженым в очередь не встал...

– Да что за ерунда! – возмутилась Полина. – Мороженое здесь совершенно ни при чем. Ты же не маленького ребенка без присмотра оставил. Восемнадцатилетний парень – вполне взрослый человек. Но, знаешь, хорошо бы все-таки достать этот плеер. Я могла бы посмотреть.

– Посмотреть? – На секунду мне стало дурно: неужели и Полина начала сходить с ума, но потом догадался, что она имеет в виду. – Ты хочешь «пообщаться» со Стасом через плеер? Как тогда с браслетом Анны?

Была у нас с Полиной одна детективная история, связанная с журналисткой Анной Дубровиной, погибшей несколько лет назад¹. Полина тогда совершенно случайно установила с ней связь через браслет, который был у той на руке в момент убийства. О своей способности видеть людей, находящихся между жизнью и смертью, Полина знала. И не одно преступление мы с ней благодаря этому сумели раскрыть. Но о том, что Полина может вступать в контакт с людьми в коме спустя много лет после их смерти через предмет, она и не догадывалась. Мы долго не понимали, что события, которые «видит» Полина, относятся к прошлому. Из-за этого едва успели предотвратить одно страшное преступление.

– Ты хочешь узнать, о чем он думал в последний, предсмертный момент? Но как это поможет объяснить фотографию, на которой ему тридцать лет?

– Не знаю. Но мне кажется, поработать с плеером стоит.

– Не стоит! – решительно отрезал я, вспомнив, как тяжело давались ей эти «встречи» с Анной.

– Я буду очень осторожна, а ты станешь меня контролировать. Как только увидишь, что...

– Ничего я не увижу, – перебил ее я, – потому что никаких сеансов не будет!

Мы еще долго спорили. Полине все же удалось меня убедить раздобыть плеер. Но согласился я только потому, что был почти уверен: найти мне его не удастся.

– Ладно, – ворчливо проговорил я и задумался, соображая, как все это осуществить. Спросить напрямую у родителей я не мог. Оставалось потихоньку пробраться в их квартиру и самому поискать плеер. Сейчас для этого было самое благоприятное время: мама с папой жили на даче. Но ключей от квартиры у меня нет. Придется обратиться к Борису. У него, конечно, найдется какая-нибудь электронная отмычка, чтобы открыть дверь. А если нет в данный момент, то он сможет ее достать или сделать.

– Я постараюсь раздобыть плеер, – заверил я Полину. – Хотя эта затея мне не нравится.

– Хорошо, – Полина, о чем-то размышляя, покивала головой. – Думаю, у меня получится тебе помочь.

Мы еще немного посидели и легли спать. Я с трудом представлял, как смогу заснуть, но все же заснул.

¹ См. роман Надежды и Николая Зориных «Формула влияния».

* * *

Утром я завез Полину в наш офис детективного агентства, а сам поехал к Борису. Добирался до него долго: опять попал в пробку, – на этот раз, слава богу, без приключений. Приехал к нему уже в начале одиннадцатого – время вполне приличное для утреннего визита, – но оказалось, что его разбудил. Борис открыл дверь заспанный и какой-то не по-утреннему сумрачный. Поздоровался со мной так, будто хотел послать к черту. От такого приема мои подозрения, что он в чем-то замешан, возникшие еще вчера, только усугубились. Поэтому я не стал с ним церемониться, сразу приступил к делу. Как только мы прошли в комнату, достал телефон, открыл фотографию Стаса и протянул ему.

– Ну, и что ты на это скажешь? – без предисловий перейдя в наступление, спросил я.

Он взял мобильник, равнодушно взглянул на фото, пожал плечами.

– Кто этот парень? – Я ткнул в фотографию.

– Понятия не имею. – Борис зевнул, вернул мне телефон, повернулся и пошел на кухню. – Кофе будешь? – хмуро спросил он, посмотрев на меня через плечо, опять зевнул, всем своим видом показывая, что явился я не вовремя. Но мне было совершенно наплевать на то, что он обо мне думает. Я двинулся за ним на кухню – так просто он от моих вопросов не отвертится.

– Ты специально подсунил мне это фото или просто забыл удалить из телефона?

– Да что ты пристал? – огрызнулся Борис. – Какое фото?

– Вот это. – Я снова ткнул ему под нос телефон.

На этот раз он рассматривал фотографию дольше и гораздо внимательнее, как будто видел впервые.

– Ну и что ты от меня хочешь? – наконец спросил он, вернув мне телефон.

– Ты знаешь этого человека?

– Разве это не ты?

Этот вопрос меня удивил. Я никогда не задумывался, похожи мы с братом или нет. Получается, похожи. Совсем другим взглядом я снова посмотрел на фотографию Стаса, но явного сходства определить не смог: свое лицо трудно оценивать. Со стороны, конечно, виднее, наверное, Борис прав.

– Это мой брат Стас, – сказал я Борису. – Фото было в твоём телефоне.

– Да? – Он равнодушно на меня посмотрел, повернулся к плите, налил из фильтра воду в чайник, зажег газ. Движения у него были какие-то замедленно-размеренные, как будто он специально хотел вывести меня из себя. – Я и не знал, что у тебя есть брат, – сказал Борис, закончив манипуляции с чайником. – Не помню, когда его сфоткал. Я с ним незнаком и вообще этим телефоном давно не пользовался.

Я испытал жуткое разочарование, потому что, несмотря на свои вчерашние доводы, все же надеялся, что все разрешится простым, естественным образом. Борис скажет, что это его знакомый, я с ним встречусь и успокоюсь: это не Стас, просто очень похожий на него человек. Или даже... Ну да, ну да, я желал услышать от Бориса подтверждения одной моей безумной идеи. Ну что ему стоило сказать: а, это Стас, я недавно с ним встречался? Но Борис не поддержал мою веру в чудо.

– Так я не понял, ты будешь кофе?

– Нет, спасибо, – подавленно пробормотал я.

– Как хочешь.

Закипел чайник. Борис, все с той же раздражающей размеренностью, стал готовить себе кофе.

– Но почему тогда ты его сфотографировал? – снова подступил к нему я.

Он нетерпеливо махнул рукой, будто я отрывал его от какого-то важного занятия, тщательно размешал сахар и только тогда повернулся ко мне.

– Да что ты ко мне прицепился? – возмутился Борис. – Не знаю, не помню. – Он поставил чашку на стол, взял у меня телефон, записал кнопками, долго задумчиво на что-то смотрел, почесал ногу большим пальцем другой. Я ждал – опять вспыхнула нелепая надежда. – Ага! – после почти пятиминутных размышлений, сказал Борис. – Что-то такое начинаю припоминать. Я купил телефон, вышел из магазина, решил проверить, как работает камера, навел на первый встречный объект и сфотографировал. Это было в тот день, – он постучал пальцем по экрану, я придвинулся к нему, увидел дату создания фотографии и обругал себя идиотом. Ну конечно! Почему же мне в голову не пришло прежде всего посмотреть на дату. Фотография была сделана десятого мая двенадцать лет назад. За два месяца до гибели Стаса.

Совершенно раздавленный, не сказав Борису больше ни слова, я вернулся в комнату. Без сил рухнул в компьютерное кресло, без спросу включил компьютер. Борис с кофейной чашкой в руке, стоя в дверях кухни, наблюдал за мной с хмурым интересом. Когда загрузился компьютер, я, так же без разрешения, перекинул с телефона фотографию брата и опять принялся ее изучать. Что нового я хотел увидеть, не знаю. Почему-то тот факт, что снимок был сделан за два месяца до смерти брата, окончательно меня убил.

Подошел Борис, наклонившись вперед, стал вместе со мной рассматривать фотографию Стаса.

– Я что-то не понял, из-за чего весь этот сыр-бор? – Борис шумно отхлебнул кофе. – Ну сфоткал я случайно твоего брата, и что?

– А то, что он умер, – обессиленно проговорил я.

– Сочувствую. – Борис с таким искренним чувством это произнес, что мне стало стыдно за свои подозрения относительно его злоумышленности. А еще я подумал, что он, вероятно, тоже потерял близкого человека. – Странное стечение обстоятельств. Я сфотографировал твоего брата, когда мы с тобой еще не были знакомы. А когда он... умер?

– Вскоре после этого.

– Нет, ну надо же!

– Меня тоже удивляет такое совпадение, – опять невольно переходя на сухой, враждебный тон, сказал я. – Но дело даже не в этом. Когда мой брат погиб, ему было восемнадцать лет.

– Восемна... – начал Борис и, оборвав сам себя, недоверчиво посмотрел на меня, словно хотел убедиться, не шучу ли, потом на фотографию, потом опять на меня. – Но ведь здесь ему под тридцатник.

– Вот именно.

Некоторое время Борис стоял с ошарашенным видом, замерев с пустой чашкой в руке, затем, шумно выдохнув воздух, осторожно поставил чашку на стол, размеренно и как-то аккуратно, будто боялся растряссти какие-то важные мысли, заходил по комнате. В прихожей зазвонил телефон, но он так глубоко задумался, что, кажется, не услышал.

– Телефон, – сказал я ему, но он никак не прореагировал. – Телефон звонит, – крикнул я громко.

– Что? – наконец отозвался Борис. – Ну и пусть, черт с ним!

Он вдруг резко прекратил свое хождение по комнате, замер на месте и улыбнулся совершенно счастливой улыбкой. Постоял так немного, нахмурился и опять заходил. Остановился, издал какой-то непонятный возглас, выражающий радость, и снова о чем-то запечалился. Эти явно нездоровые перепады настроения Бориса начали меня раздражать. Понимаю, ситуация более чем неординарная, но ведь речь идет не о его брате.

– И что ты по этому поводу думаешь? – решил я прервать его раздумья, довольно бесцеремонно взяв за плечо и развернув к себе. Он посмотрел на меня высокомерным взглядом безумца, постигшего истину, недоступную простому смертному.

– Что думаю? – Борис улыбнулся и сказал снисходительно: – Много чего, но пока не готов ответить на этот вопрос. – Но вдруг настроение у него опять переменялось, и он спросил с тревогой в голосе: – А твой брат точно умер?

Не знаю, как я удержался, чтобы не засветить ему в глаз.

– Умер, – грубо сказал я, – можешь не сомневаться. Все произошло на моих глазах.

Он удовлетворенно покивал головой и снова принялся медленно расхаживать по комнате, погрузившись в задумчивость. А я сел к компьютеру, чтобы не видеть Бориса, меня от него уже просто трясло. Не знаю, почему в таком случае я не уходил. Стас, мой брат, смотрел на меня с экрана. Я чувствовал себя совершенно выжатым. Мысли ускользали, ни на одной я не мог сосредоточиться. Все это совершенно не укладывалось в голову. Но странно, почему и на Бориса эта ситуация произвела такое сильное впечатление? Если он что-то знает, почему не говорит? А если в чем-то замешан, то в чем?

И вдруг мне в голову пришла одна мысль:

– Ты говоришь, что сделал фотографию случайно, чтобы проверить камеру. Почему же тогда ты ее не удалил из телефона?

– Черт его знает! – Кажется, он слегка растерялся. – Просто не удалил и все, мне она не мешала. Да ведь я и телефоном этим недолго пользовался, купил новый. У этого батарея слабая...

– Да-да, ты говорил, – перебил я его. – И все же это странно. И телефон этот зачем-то хранил столько лет, не выбросил. И не починил. Ты же в технике дока, что тебе стоило поменять батарею?

– Проще было купить новый, – недовольно пробурчал он, всем своим видом показывая, что я глупыми вопросами отвлекаю его от каких-то сверхважных мыслей.

Он снова принялся расхаживать по комнате. Но потом, видимо, устав от хождения, опустился на диван, откинулся на спинку, прикрыл глаза и стал думать сидя, с комфортом.

– Борис! – окликнул я его через некоторое время. Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом, нетерпеливо махнул рукой и снова закрыл глаза. Он был похож на человека, слушающего музыку на плеере, и этим сосредоточенным выражением лица напомнил мне Стаса. А я вдруг вспомнил о второй цели своего визита. Плеер! Вернее, электронная отмычка, чтобы его раздобыть.

– Борис! – Я тронул его за плечо. Он вздрогнул всем телом, вскрикнул и подскочил на месте. Ну что за слабонервный тип?! Я подождал, когда он придет в себя, и изложил свою просьбу.

– Подъезжай ко мне вечером, скажем, часиков в девять, – отстраненно, продолжая вертеть в голове свои мысли, сказал он.

Мы с ним попрощались, и я поехал в агентство.

* * *

На крыльце нашего офиса я столкнулся с женщиной лет пятидесяти – она как раз выходила из агентства. Новая клиентка? По ее виду я попытался определить, какое у нее к нам дело: пропал муж? украли деньги? давно не пишет сын, и она не знает, что с ним? (Да-да, к нам обращаются и с такими просьбами, рассчитывая на Полинин дар.)

– Муж? – спросил я, поздоровавшись с Полиной.

– Муж, – с усталым вздохом подтвердила она. – Честное слово, у нас не детективное агентство, а какой-то салон гадания. Пора уже давать объявление: «Знаменитая ясновидящая предскажет вам будущее». Нет, ну в самом деле, приходят бог знает с чем. Эта вот женщина принесла майку своего мужа, жутко несвежую. Да еще с гордостью сказала, что специально

взяла ношеную, потому что слышала, будто ясновидящим именно ношенные вещи нужны. Что я ей собака-ищейка, что ли?

– А чего она хотела?

– Узнать, куда подевался ее муж. Ушел в магазин и на три дня пропал. Да запил он где-то, тут без всякой майки понятно. Я ей попыталась объяснить, что вижу людей только в определенном состоянии – в коме, а она и слушать не хочет, начала меня умолять, и так приниженно... Нет, это просто невозможно!

– И что ты ей сказала?

– Что вернется скоро. Может, даже сегодня. А что я могла? – Полина опять вздохнула. – А как у тебя дела?

Я пересказал ей разговор с Борисом.

– И что ты думаешь? – осторожно спросила Полина.

– Что Борис совершенно безумный тип. Дурдом по нему плачет!

– Это-то ясно. Мне всегда казалось, что он с головой не дружит. Но как Борис прореагировал на фотографию?

– Удивился. Да нет. Он был потрясен. Я еще никогда не видел его в таком состоянии.

– А ты веришь, что он сделал фотографию случайно?

– Не знаю. Сначала поверил, потом стал сомневаться. Главное, дата сбивает. Фотография была сделана примерно за два месяца до его смерти. Ну как, как все это можно объяснить?!

Я нервно заходил по комнате, совсем как Борис и, сообразив это, резко затормозил.

– Знаешь, – приблизившись к Полине, тихо заговорил я, – вот все думаю, а может, он жив?

– Но... разве это возможно? – так же тихо спросила Полина.

– Конечно, невозможно, и все-таки... Видишь ли, если он тогда действительно погиб, то и эта фотография невозможна. А если он жив... Но дата все опровергает. Борис сфотографировал его двенадцать лет назад. Тридцатилетним. И вот хоть в лепешку разбейся, никакого объяснения не придумаешь. Эх, если бы не эта чертова дата!

– А если бы не дата, то что? – По тону, каким Полина задала этот вопрос, я понял, что у нее есть какая-то мысль, все объясняющая, и опять у меня вспыхнула глупая надежда.

– Ну... – Я немного помолчал. – Видишь ли, я ведь не видел момента столкновения. И вообще минуты на две, а, может, и больше Стас выпал из моего поля зрения. Он стоял под кленом у самой дороги. Ну вот, я и подумал... Может, подъехала в это время, пока я мороженое покупал, какая-то машина, Стаса в нее запахнули и увезли. А вместо него... – Я замолчал, стыдясь продолжать эту глупейшую версию.

– А вместо него подсунули двойника, – закончила за меня Полина. – Брата-близнеца, например, о котором твои родители понятия не имели.

– Да понимаю, понимаю, что звучит это идиотски! – Я заискивающе хихикнул, желая подольститься к Полине (или к судьбе?), изо всех сил мысленно призывая, чтобы она мне возразила: в жизни всякое случается, версия вовсе не идиотская, такое вполне может быть. Но Полина промолчала. Тогда я продолжил таким же истерически-веселым, безнадежным тоном – мне самому стало противно: – Мама родила близнецов, – я опять хихикнул, – ей в роддоме об этом не сказали, чтобы одного из них продать состоятельной бездетной паре. Мексиканский сериал какой-то!

– Может, да, а может, и нет, – серьезно сказала Полина. Неужели и она все же допускает такую возможность?

– Но дата, дата! – взвился я, сердясь на себя за глупую надежду, от которой никак не хотел отходить. – Даже эта идиотская версия разбивается о дату. На фотографии, сделанной двенадцать лет назад, Стасу тридцать. Или около того.

Я зло рассмеялся. Полина мой смех не поддержала, сидела, о чем-то задумавшись.

– Слушай, – сказала она через некоторое время, – мне тут пришла в голову одна мысль, но нужно проверить. Ты говорил, что вчера весь день меня фотографировал. Посмотри, пожалуйста, дату создания вчерашних снимков. Ты их с телефона не удалил?

– Нет, но зачем... – начал я и тут, кажется, понял, к чему она клонит. Схватил телефон и стал судорожно проверять. – Ну так и есть! Мы с тобой, Полинка, вчера побывали в прошлом. Все фотографии, судя по дате, сделаны двенадцать лет назад. – Я невесело рассмеялся. – Мне просто в голову не пришло вчера переставить дату, вот все снимки и обозначились тем годом, когда Борис купил телефон. Он ведь им пользовался всего пару месяцев. А я совсем забыл, что в старых телефонах дата не выставляется автоматически, ее нужно самим заново делать. – Меня вдруг посетила здравая мысль, которая могла все расставить на свои места. – Но раз дата снимка ни о чем не говорит, Борис мог сфотографировать Стаса когда угодно. Например, неделю назад.

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожилась Полина. Наверное, испугалась, что я опять начну развивать версию о братьях-близнецах.

Я ответил не сразу, в задумчивости перекручивая фотографии на телефоне: Полина, Полина, Стас.

– Так, ничего, просто пытаюсь размышлять логически. Если Борис меня обманул, то зачем? Хотел разыграть? На него это совсем не похоже.

– Да уж, – подхватила Полина, – мрачный тип.

– И вообще... Откуда он мог узнать, что у меня уведут телефон? И как смог сделать такую фотографию, если не фотошопом, а она ведь подлинная, подлинная! Нет-нет, никакой это не розыгрыш! Он сам удивился, когда я ему рассказал о Стасе. И не просто удивился, а был по-настоящему потрясен. Такую реакцию не сыграешь. Но... – Я окончательно сбился, в мыслях был полный разброд. – А ты что думаешь? – спросил я Полину и с надеждой посмотрел на нее.

– Мне не очень-то верится, что Борис сфотографировал Стаса случайно. Но если он все это подстроил, значит, у него была какая-то цель. Он ничего не расскажет, пока ее не добьется.

– Это понятно. Но как ты думаешь, может ли... – я замялся, не решаясь продолжить.

– Стас оказаться жив? – закончила за меня Полина. – Не знаю. Версия о тайном близнеце мне видится сомнительной...

– Да понимаю! – опять загорячился я. – Как будто мне она кажется нормальной! Но должно же быть какое-то объяснение.

Полина ничего не ответила. Мы долго молчали. Опять, как тогда у Бориса, я почувствовал разочарование. Полина, конечно, не верила, что Стас каким-то чудом мог остаться в живых.

– Я понимаю, Витя, – мягко заговорила она наконец, – тебе очень хочется верить, что Стас не погиб. Но... Ты только не обижайся. Пожалуйста. Мне кажется, что это невозможно... – Она вдруг оборвала себя и нахмурилась. – Нужно поскорее достать плеер Стаса. Только так мы сможем понять, что произошло с твоим братом. Почему он ни с того ни с сего бросился под машину, о чем думал в последние минуты своей жизни.

Мне не нравилась эта идея, но отказаться я уже не мог, потому что вчера дал Полине себя уговорить.

– Постараюсь достать плеер сегодня, – сказал я, отводя взгляд, как будто она могла увидеть выражение моего лица. – Надеюсь, Борис хоть в этом не подведет.

* * *

Я чуть не опоздал на встречу к Борису. Сначала решил заскочить к одному знакомому, Степе-компьютерщику. Хотел, чтобы он проверил фотографию Стаса и высказал свое мнение. Возможно, есть какие-то способы скрыть вмешательство редактора, а такой профан, как я,

определить это, конечно, не может. Но Степа подтвердил, что фотография подлинная, фотополном не обработанная. Не знаю, обрадовало это меня или расстроило – своих чувств я уже разобрать не мог. К дому Бориса я подъехал в начале десятого. Припарковался недалеко от его подъезда и вышел из машины. И тут увидел его самого. Совершенно наплевав на нашу договоренность, он шел по дорожке, пересекавшей двор, в противоположном направлении от своего дома.

– Борис! – возмущенно крикнул я и бросился его догонять, но он даже не оглянулся. Шел себе и шел, с какой-то механической сосредоточенностью, как робот. Я хотел его снова окликнуть, но вдруг передумал. Все это было очень странно. Раньше Борис подобных фокусов не откалывал, никогда меня не подводил. Если мы договаривались встретиться, он всегда ждал. Что за срочное дело у него возникло? Я решил пойти за ним, стараясь больше не привлекать к себе внимание.

Мы шли довольно долго: сначала по оживленной улице, потом свернули в какой-то тихий переулок. Здесь Борис остановился, оглянулся – я едва успел спрятаться за выступ старинного здания. Вид у него был какой-то растерянный, будто он заблудился, не знает, куда дальше идти. Или дело было в чем-то другом? Он заметил, что я иду за ним?

Начало смеркаться. Я подумал, что скоро совсем стемнеет и тогда ему будет легко от меня оторваться. А может, он и дожидался темноты, закралась у меня тревожная мысль. Но немного постояв и, видимо, что-то вспомнив, Борис решительно зашагал вперед. Мы снова вышли на улицу. В этой части города я никогда не бывал, да и Борис, судя по его походке, снова ставшей неуверенной, бывал нечасто. Прохожих здесь было мало. За все время нам встретились только подвыпивший мужичок с доберманом на поводке (доберману явно было стыдно за своего хозяина), двое полубеспризорных детей и парень лет двадцати в оранжевой футболке, очень похожей на ту, в которой погиб Стас.

Борис пошел медленнее, то и дело осматриваясь. Невольно подражая ему, стал осматриваться и я. Кое-что показалось мне знакомым: дерево, опоясанное железным обручем, скамейка у дороги (наверное, когда-то здесь была остановка), вывеска магазина оргтехники. Где-то все это я видел совсем недавно. Странно, но и Борису именно эти детали интерьера улицы показались знакомы. К дереву он даже подошел и потрогал обруч. Потом достал из кармана телефон, но звонить не стал, а неуверенной, шаткой походкой двинулся к магазину оргтехники. Что ему могло там понадобиться? Магазин закрыт, время позднее. Может, ему назначили здесь встречу? Отчего-то мне стало тревожно и даже как-то жутковато. Я тихонько прокрался вперед, спрятался в тени дерева, опоясанного обручем. Кто придет на встречу к Борису? Напряжение росло. Я украдкой, стараясь не выпустить из поля зрения Бориса, осмотрел улицу – никого. И приближающихся шагов не слышно.

Борис поднялся на крыльцо. Запищал кнопками телефона. Кому он звонит? Надеюсь, не мне, чтобы предупредить о несостоявшейся встрече. Я сунул руку в карман, попытался отключить звук телефона, но не смог определить на ощупь нужную кнопку. Борис, к счастью, звонить передумал. Но, видимо, что-то почувствовав, повернулся в мою сторону и поднял телефон на уровень глаз. Послышался щелчок камеры. А в следующий момент Борис закричал неестественно тонким голосом, полным то ли ужаса, то ли восторга:

– Стас!

И тут я понял, что ждал именно этого. Ждал все это время, пока шел за Борисом. Ждал и надеялся, что дождусь – увижу брата, живого, повзрослевшего. Я резко повернул голову назад, думая, что Стас стоит у меня за спиной, но там никого не оказалось. Тогда я бросился к Борису. Растерянно улыбнувшись, он слегка отступил, уперся спиной в стену салона, ужасно побледнел и стал сползать по ней вниз.

Когда я к нему подбежал, Борис был без сознания. Понадобилось немало времени, чтобы привести его в чувство. Хотя я с ним совсем не деликатничал: тряс за шиворот, довольно чувствительно хлопал по щекам. Мое разочарование вылилось в злость на Бориса.

Наконец он открыл глаза, но взгляд его был туманным и безумным.

– Виктор? – жалобно спросил он. – Ты видел Стаса?

– А он здесь?

Я снова огляделся – никого. Мы были одни, двое безумцев, на этой пустынной улице.

– Вставай, – сказал я Борису. Он попытался подняться, но не смог.

Мне с трудом удалось поставить его на ноги, колени его подгибались, тело совершенно не слушалось, Борис то и дело норовил снова сползти вниз. Почти волоком я дотащил его до скамейки, посадил. Вся злость на него прошла, теперь я почему-то испытывал к нему жалость.

– Ты знаешь, где Стас? – спросил я вполне мирно. Борис не ответил. Смотрел на меня сумасшедшим взглядом и молчал. – Вы договорились с ним здесь встретиться?

Борис как-то жалобно усмехнулся и опять промолчал.

– Ну объясни же хоть что-нибудь!

– Не могу. Ты все равно не поверишь, – еле слышно проговорил он и попытался подняться со скамейки, но тут я опять на него разозлился.

– Говори наконец, где мой брат! – закричал я и толкнул его назад.

– Отстань! – тоже разозлившись, вскрикнул Борис. – Ведешь себя как полный придурок! Я не знаю, где твой брат, и вообще оставь меня в покое!

Он поднялся и пошел, а я потащился за ним. Что мне было делать? Не бить же его. Несколько раз я пытался с ним заговорить, но он только пожимал плечами, хмыкал и ничего не отвечал. Тем же путем мы вернулись к его дому.

Отмычку он мне все же дал, но искал ее так долго, копаясь в различных ящиках и коробках, что у меня сложилось полное убеждение: он не сегодня ее сделал, она у него была. Почему же он не захотел продать ее утром? Станный он тип!

Я расплатился с Борисом и поехал в квартиру родителей.

* * *

Открыть дверь оказалось на удивление легко. Все-таки Борис, что бы я теперь о нем ни думал, мастер от бога – его технические штучки выше всяких похвал. Я вошел в квартиру, огляделся, соображая, куда мама могла сложить вещи Стаса. Если вообще их не выбросила, на что я втайне надеялся. Абсурд, конечно! Покупать отмычку, тайно пробираться в квартиру, и все это только для очистки совести. Ну не мог я обмануть Полину, сказав, что плеера нет, даже не попытавшись его разыскать.

Мне представился большой белый чемодан с оторванной ручкой. Был у нас когда-то такой. Кстати, ручка оторвалась из-за Стаса. Ему тогда было года четыре, мы поехали в Питер к маминой сестре в гости. На перроне была ужасная толчея, мама вела его за руку, но он испугался и свободной рукой вцепился в чемодан, который нес папа. Стас... да нет, тогда он был никакой не Стас – Стасик, Стаська, Стасенька – так тянул книзу, что ручка не выдержала и оторвалась.

Где может быть этот чемодан? На антресоли между кухней и прихожей или в кладовке. Или еще где-нибудь. Я методически обшарил всю квартиру, но белого чемодана так и не нашел. Зато в шкафу в нашей бывшей комнате обнаружил огромную картонную коробку, тщательно заклеенную со всех сторон скотчем. Сходил на кухню, принес нож. Открыть удалось ее с большим трудом. Но зато как же мне повезло! Или, наоборот, не повезло. В коробке оказались чуть ли не все вещи брата. Даже записная книжка и телефон. И, что самое главное, плеер.

Записную книжку, телефон и плеер я положил в пакет, аккуратно заклеил коробку, поставил на место, скрыл следы своего пребывания и вышел из квартиры. Пробыл там минут двадцать, не больше, но все это время меня не оставляло ощущение, что я делаю что-то противозаконное. Дверь закрылась так же легко, как и открылась, спасибо техническому гению Борису.

* * *

Ситуация с Борисом, воровское посещение родительской квартиры – все это оставило неприятный осадок. Полина сразу почувствовала, что настроение у меня хуже некуда, хоть я и старался это скрыть. Мы поужинали, натянуто, принужденно разговаривая на совершенно неинтересные, пустые темы, потому что о главном сейчас не решались заговорить. Я видел, что Полине не терпится начать работать с плеером, поэтому сразу после ужина мы и приступили к делу. Полина села в кресло, я протянул ей плеер. Не знаю, что чувствовала она, а мне было не по себе. Еще никогда нам не приходилось «подсматривать» за своими близкими. А кроме того, я за нее боялся.

Полина прикрыла глаза, настраиваясь. У меня жутко заколотилось сердце... И тут раздался звонок в дверь. Мы оба синхронно вздрогнули.

– Кто это может быть? – испуганно спросила Полина.

– Не знаю, двенадцатый час, время, скажем, не самое подходящее для визитов.

Снова раздался звонок. Бросив на Полину тревожный взгляд, я пошел открывать. Сначала мне представилось, что это Стас. А потом в голове замелькали картины несчастий, одна страшнее другой: мои родители решили раньше вернуться с дачи, по пути попали в аварию; в доме Полининых родителей произошел пожар... На пороге стояла и радостно улыбалась моя двоюродная сестра из Питера Людмила. Вернее, Людочка – все и всегда почему-то звали ее только так. Впрочем, и она сама всех называла исключительно ласкательными именами. Я испытал такое облегчение, что не передать. Хотя появление Людочки да еще в такой неподходящий момент уже само по себе несчастье. Совершенно несуразная особа, моя двоюродная сестрица. Жутко эмоциональная, часто не по делу активная, страшно утомительная, а главное, невыносимо болтливая.

– Привет, Витюша! – весело прошептала она и залилась счастливым смехом. – Приятный сюрприз, не правда ли? – Людочка шагнула в квартиру и широким шутливым жестом бросила в угол прихожей большую дорожную сумку. – Принимайте гостью! Вообще-то я не хотела устраивать никаких сюрпризов, звонила тебе весь день, но у тебя телефон отключен. Наверное, разрядился, а ты и не знаешь. Ах ты, растяпа. – И она звучно поцеловала меня в щеку.

– Телефон у меня украли, – весело, невольно перенимая ее тон, сказал я.

– Да?! – Людочка с наигранным ужасом на меня уставилась. – Так найди вора, ты же сыщик. – Она мельком взглянула на себя в зеркало, быстрым жестом поправила прическу, хотя, на мой взгляд, поправлять там было особо нечего: свои прекрасные ярко-рыжие кудрявые волосы она постригла почти под корень. Людочка, по профессии визажист, то и дело экспериментировала со своей внешностью, искала тот единственно неповторимый образ, который наконец поможет ей обрести счастье. В личной жизни ей катастрофически не везло: за свои неполные тридцать лет Людочка уже три раза выходила замуж, и все неудачно. – Нет, серьезно, ты в полицию заявил?

– Нет еще.

– Заяви обязательно, сейчас телефоны на раз-два-три находят. – Она опять глянула в зеркало, нахмурилась: новый образ ее явно не устраивал. Интересно, что она предпримет в следующий раз – подстрижется наголо и разрисует лысину ромашками?

Людочка разулась, сняла куртку, под ней у нее оказалась невообразимого цвета футболка. Ярко-желтые брюки были какого-то странного покроя – на бедрах висели мешком, а книзу сильно сужались.

– Проходи! – пригласил я.

– Ага! – Людочка изобразила на лице восторг, готовясь встретиться с Полиной. Я немного задержался в прихожей, вешая ее куртку и переставляя на тумбочку сумку. – Полюшка! – заверещала она в следующий момент. – Сто лет тебя не видела!

Полина улыбалась, но я видел, что она раздосадована. Плеер лежал на маленьком столике рядом с креслом. Ну да, «встречу» со Стасом теперь придется отложить на неопределенный срок. Я прекрасно ее понимал, но, хоть это и нечестно было с моей стороны, испытывал облегчение и втайне радовался, что все сорвалось.

– Как поживаете, дети мои? – разливалась Людочка и, не выслушав ответа, продолжала: – А я к вам в творческий отпуск.

– В творческий отпуск? – переспросил я. – Это как?

– Хочу у вас поучиться, набраться опыта. Вы ведь мне не откажете в помощи? – Она хитро прищурилась, посмотрев в мою сторону.

– Конечно, поможем. Ты только скажи, в чем.

– Да вот, послала я свой салон красоты к чертовой матери, достало все, сил нет. – Людочка устроилась в кресле напротив Полины, закинула ноги на подлокотник. – Представляете, одна дурында, моя клиентка, распустила про меня слух, будто я применяю просроченную косметику. У нее рожа какой-то сыпью покрылась, уж не знаю отчего, ананасов, может, пережрала. Она решила, что от пудры. Подняла шум, думала в суд подать. До этого, слава тебе господи, дело не дошло, но всех постоянных клиенток распугала. Хотели меня попереть из салона, да я сама ушла. – Людочка расхохоталась, хотя ничего смешного в этой ситуации не было. – Теперь решила коренным образом изменить род деятельности. Собираюсь открыть у нас в Питере детективное агентство. Как вам моя идея?

Я не знал, что и сказать. Людочка-детектив – это сильно. Посмотрел на Полину, она с трудом сдерживала смех.

– Одобряете? – Людочка обвела нас взглядом. – Не одобряете, – заключила она по нашим лицам и тяжело вздохнула.

– Да нет, – поспешил я ее успокоить. – Просто все это... несколько неожиданно. И потом, нужна лицензия, а для этого – подходящее образование.

– Я очень легко обучаюсь, – возразила Людочка, надувшись.

– Это прекрасно, но корочки. Понимаешь, диплом – это, конечно, чистая формальность, но без него лицензию тебе не дадут.

– Жаль. – Людочка совсем скисла. – А я думала у вас поучиться. Свое дело хотелось открыть. Быть частным детективом – куда интереснее, чем рожи этих заносчивых дурынд мелевать целый день. Да и прибыльнее, наверное. – Она обвела взглядом комнату, но, видно, не усмотрев доказательств прибыльности, рассмеялась и беззаботно махнула рукой: – Но главное – интересно. Деньги – дело десятое. А я чувствую, что у меня бы получилось.

– Не сомневаюсь, – заверил я ее.

– Ты, наверное, голодная, – перевела разговор Полина.

– Страшно! – восторженно воскликнула Людочка. – А еще у меня в сумке классный ликер. Немецкий, остаток былой роскоши – подарок одной благодарной клиентки. Я ее омолаживала каждую неделю. Потом как-нибудь расскажу, забавная история. – Она опять погрузилась. – Теперь-то больше никаких благодарных клиенток не будет. Да и с детективным агентством вы меня обломали. Ну и ладно!

Полина поднялась и пошла на кухню, Людочка, тут же бросив грустить, понеслась следом помогать. Я сел в Полинино кресло, взял со столика плеер и почувствовал, что ужасно устал, и

настроение внезапно испортилось. Вечер затягивался. С приездом Людочки все теперь пойдет кувырком. Интересно, надолго она к нам пожаловала и нельзя ли ее сплавить к родителям на дачу?

Из кухни вернулась Людочка, торжественно неся поднос с закусками. Вид у нее был такой простодушно жизнерадостный и мысли не допускающий, что не для всех ее приезд – праздник, что я устыдился.

– Дурочка моя, – сказал я, забирая поднос, – как я рад, что ты приехала!

В этот момент я был почти искренен.

– Ну и куда ты поставишь поднос? – расхохоталась она. – Ты же стол не раздвинул. Втроем за этим маленьким столиком мы не поместимся.

Мы выдвинули стол на середину комнаты, расставили закуски, Полина принесла с кухни открытую бутылку ликера, стопки, и мы сели праздновать приезд Людочки.

* * *

Спал я плохо, хоть и очень устал за день, перенасыщенный событиями, проснулся окончательно еще до семи. Тихонько, чтобы не разбудить Полину, поднялся. Но оказалось, что она не спит. Людочку мы уложили в большой комнате на диване. Я осторожно заглянул туда, опасаясь, что и ее поразила бессонница – общаться с сестренкой с утра пораньше я был не готов, – но, к счастью, она мирно посапывала.

Пока я принимал душ и брился, Полина сварила кофе, разлила по чашкам, поставила вазочку с печеньем на стол. Мы завтракали, наслаждаясь уединением. Странно, Людочка пробыла у нас всего один вечер, а создавалось впечатление, что гостит уже неделю, и всю эту неделю нам не удастся побыть вдвоем.

– Какие планы на сегодня? – спросила Полина.

– Не знаю. – Я думал о вчерашней ситуации с Борисом. Судя по всему, в тот момент, когда он внезапно меня увидел, принял за Стаса. Но почему? Только ли потому, что мы похожи? Или он ожидал увидеть именно Стаса, а не меня? Значит, мой брат, вопреки всем разумным доводам, жив. А Борис... Что означает его фраза: «Ты все равно неверишь»?

Я встал, прошел в прихожую, взял телефон, открыл фотографию Стаса и долго всматривался в его лицо, пока не заболели глаза. Зажмурился, давая им отдых, потом опять стал смотреть. В самом лице ничего нового я не высмотрел, но вдруг понял одну вещь: Стас сфотографирован на той самой улице, на которую вчера привел меня Борис. Вот дерево, опоясанное обручем, вот скамейка, а вот часть вывески магазина электроники. Понятно, почему мне все это показалось вчера знакомым – я видел эти детали на фотографии. Но зачем Стас, если он все-таки жив, назначил Борису встречу на этом самом месте? Есть тут какой-то особый смысл или нет?

– Вот ты где! – шепотом, чтобы не разбудить Людочку, проговорила Полина, тронув меня за руку. Я вздрогнул от ее голоса – все эти события совершенно выбили меня из колеи, я стал каким-то неврастеником. – Так что ты думаешь делать?

– Что делать? – растерянно повторил я, не совсем понимая, что она имеет в виду.

– Да что с тобой? – рассердилась Полина. – Встал, ничего не сказал, ушел, а я, как дура, продолжала с тобой разговаривать.

– Прости. – Я сунул телефон в карман, обнял ее за плечи и повел на кухню, но она вывернулась из-под моей руки.

– Предлагаю быстренько собраться и поехать в офис.

– Но еще слишком рано, – возмутился я, посмотрев на настенные часы, висящие в прихожей над дверью. – Начало восьмого.

– Вот и прекрасно! – непонятно чему обрадовалась Полина. – Значит, нам никто не помешает. Мы сможем спокойно поработать с плеером.

– Хорошо, – по инерции нехотя согласился я, а потом подумал, что она права, возможно, это единственный способ узнать, что происходит. – Сейчас принесу. Надеюсь, Людочка не проснется.

Я тихо-тихо вошел в комнату, где она спала. Осторожно, чтобы ненароком что-нибудь не столкнуть со столика, взял плеер и тут услышал бодрый, жизнерадостный голос.

– Доброе утро, Витюша! – Людочка сидела на диване, стыдливо-кокетливо прикрыв простыней грудь.

– Доброе, доброе, – пробормотал я, пряча плеер в карман.

С пробуждением Людочки квартира наполнилась бурными звуками жизни: мощным потоком лилась в ванной вода, громко хлопали двери и дверцы шкафов, одновременно с разных сторон слышался звонкий голос моей неугомонной кузины. Нам с Полиной поневоле пришлось принять участие в восторге по поводу наступления нового утра. Негостеприимно было сразу уходить. Поэтому в офис мы попали только в половине девятого. На дверь я повесил табличку: «Технический перерыв» – более подходящей у нас не нашлось. И мы приступили к работе.

Я усадил Полину в кресло для посетителей – самое удобное, какое было у нас в офисе. Достал из кармана плеер, положил ей на колени. Все это я уже проделывал вчера, перед тем, как в дверь позвонила Людочка. Но сегодня я не испытывал такого страха за Полину – видно, приезд питерской сестренки подействовал на меня благотворно: она заразила меня оптимистическим взглядом на жизнь.

Полина вставила наушники в уши, но плеер не включила, закрыла глаза и стала дожидаться своего «мистического сна» – не знаю, как лучше назвать это состояние. Выражение лица у нее сделалось каким-то болезненно сосредоточенным. Я посмотрел на часы – не знаю зачем, наверное, просто, чтобы отвести хоть на мгновение от нее взгляд. Мне опять стало не по себе – заряда Людочкиного оптимизма хватило ненадолго.

Некоторое время ничего не происходило, но вдруг Полина вскрикнула и сильно побледнела. По ее лицу, а потом и по всему телу пробежала судорога. Мне захотелось немедленно прекратить сеанс, но я понимал, что этого делать не стоит. Теперь Полина находилась в глубоком обмороке. Во всяком случае, так это выглядело со стороны. Лицо бесстрастно застывшее, дыхания почти не слышно.

Но вот черты лица ее немного ожили. Она повела из стороны в сторону головой и что-то забормотала. Я напряженно вслушивался, но слов разобрать не смог. А потом...

Потом потекли бесконечно длинные минуты, которые ощущались часами. А для Полины, я знал по прошлому опыту, это был целый отрезок жизни, который она переживала как свой собственный. То, что тогда, много лет назад, происходило со Стасом, теперь происходило с ней.

Вот лицо ее опять изменилось – стало старше и как-то жестче. Что она видит? Что чувствует? Может, пора ее разбудить? Подожду еще немного. Чтобы как-то ее поддержать, я подошел сзади и положил руки ей на плечи. Ее тело вздрогнуло, но из транса она не вышла – это была реакция не на мое прикосновение, а на то, что она ощущала там. Я подумал, что, может, не ради одной поддержки положил ей руки на плечи, а просто малодушно сбежал, скрылся от ее лица, ставшего таким чужим.

Внезапно Полина засмеялась – смех ее тоже был чужим. А потом громко, отчетливо произнесла: «Вчера наступит завтра». От этой странной, зловещей фразы у меня мороз побежал по коже. Что она может означать? Что там вообще происходит?

Тело Полины пронзила судорога, такая сильная, что ее подбросило на месте. Я с трудом удержал ее за плечи. Она качнулась вперед и опять что-то забормотала.

Наверное, такие сеансы должны проходить под наблюдением специалиста. А какую помощь я смогу ей оказать, если что-то пойдет не так? Да и откуда мне знать, так оно идет или нет?

Я опустил ее плечи, сел напротив, взял за руки. Ее лицо приняло безмятежное выражение. Дышала она спокойно, ровно. Может, я напрасно так встревожился? На лице ее появилась счастливая улыбка. Я бы даже сказал: улыбка влюбленного человека. Я сжал ее руку – странно, она ответила на это рукопожатие и открыла глаза.

– Слава богу! – выдохнул я, – наконец-то наши мучения закончились. – Ну как ты, Полинка?

Но оказалось, что она меня не слышит. Рано я обрадовался, из транса Полина не вышла. Она снова закрыла глаза и начала мерно раскачиваться – в такт ее движениям поскрипывало кресло. Вынести это было невозможно. Я посмотрел на часы. Прошло всего двенадцать минут с начала сеанса. Я думал, гораздо больше. Дать ей еще пару минут или уже можно разбудить? Двенадцать минут – это много или мало? Для меня оказалось непосильно много, а для Полины? Что она успела пережить за эти двенадцать минут?

Полина снова улыбнулась своей влюбленной улыбкой и вздохнула. Я осторожно провел рукой по ее щеке – никакой реакции не последовало. Я слегка сжал ее руку – ничего. Ладно, немного еще подожду. Вроде она чувствует себя неплохо. Но не успел я так подумать, как ее лицо исказилось, словно от боли, Полина пронзительно вскрикнула и перестала дышать.

Я был готов к любым поворотам, когда мы начинали сеанс, и потому не растерялся, хоть и очень испугался. Сорвал с нее плеер, подхватил на руки, перенес на небольшой диванчик в углу и приготовился делать искусственное дыхание. Но тут ощутил поцелуй на своих губах. Полина глубоко вздохнула и вышла из транса.

Я был совершенно счастлив, что все благополучно закончилось. Вот только не понял, мне ли предназначался ее поцелуй. И ее ли это был поцелуй, а не того, в чьей жизни она побывала.

Я помог ей перейти за стол на рабочее место. Сам сел напротив, придвинув стул. Выглядела Полина вполне нормально. Я тихо радовался. Думал напоить ее чаем, чтобы она окончательно пришла в себя, и тогда уже начать разговор, но тут она меня огорошила просьбой:

– Дай мне, пожалуйста, зеркало.

Сначала я подумал, что ослышался, потом не на шутку испугался.

– Да нет, со мной все в порядке, – поспешила меня успокоить Полина, поняв, о чем я подумал. – Просто дай зеркало и все.

Я снял со стены небольшое зеркало – оно у нас висело над диванчиком – поставил на стол перед Полиной, придерживая за верхний край. Она провела рукой по своему отражению, которого не могла увидеть, долго молчала, о чем-то задумавшись.

– Ладно, повесь на место, – сказала она наконец. Настроение у нее явно испортилось. – Просто хотела проверить одну штуку. – Полина через силу улыбнулась. – Перед тем как вернуться, а вернее, незадолго до этого, я увидела свое отражение в зеркальной двери магазина. То есть не свое, конечно, а того, кем я в тот момент была. Помню это ощущение: толкнула зеркальную дверь рукой – и тут увидела это лицо.

– Чье лицо? – с тревогой за ней наблюдая – она снова принялась водить рукой по поверхности зеркала, – спросил я.

– Ничье. Мне показалось... Нет, ничего. – Полина легонько оттолкнула зеркало, показывая жестом, чтобы я его убрал.

Повесив зеркало, я предложил ей вместе выпить чаю, но она отказалась. Настроение у нее испортилось окончательно. Сидела, нахмурившись, и о чем-то думала. Я решил ей не мешать, пусть спокойно придет в себя. А пока все же заварил чай. Вдруг потом ей захочется.

– Видишь ли, – заговорила она после бесконечно долгого молчания, – кто тогда погиб: твой брат или какой-то другой человек – я так и не смогла понять. Там, на дороге, с плеером,

был молодой парень, наверное Стас. Но потом... В его мыслях... Нет, я не знаю, как объяснить. – Она в задумчивости побарабанила пальцами по столу – меня передернуло: у нее никогда не было такой привычки, зато у Стаса она была. Папу это совершенно выводило из себя. – Этого молодого парня я видела как бы глазами другого, и он был старше, гораздо старше. Я была им, этим взрослым человеком, и в то же время тем молодым парнем на дороге, наверное Стасом. Ничего не понимаю! – Она опять забарабанила пальцами по столу. – Один образ накладывается на другой. Такого никогда еще не было. – Расстроившись, Полина замолчала.

– А что значит фраза: «Вчера наступит завтра»? – спросил я. Эта фраза своей необъяснимой странностью меня мучила, но задал я этот вопрос не потому. Я хотел расшевелить Полину, направить ее мысли в другое русло.

– Откуда ты узнал? – удивилась Полина.

– Это была единственная фраза, которую ты произнесла четко. Так что она означает?

– Не знаю. Это было написано на обороте фотографии Алевтины.

– А кто такая Алевтина?

– Жена убитого и... – Полина опять улыбнулась той самой улыбкой влюбленного человека. – Он ее очень любил.

– Кто, муж?

– Да нет! – Она нетерпеливо потрянула головой, возмущаясь моей непонятливости – видно, еще не до конца отошла от своего путешествия. – Тот, кем я была. Но нужно все рассказать по порядку. Не знаю, с чего начать.

Я опять предложил ей чаю, она опять отказалась.

– Да не могу я пить горячий чай в такую жару! – Полина помахала перед собой ладонью, как веером. – Духота невозможная! Сейчас бы мороженого, – мечтательно проговорила она. А я внутренне возликовал, что легко могу осуществить ее желание. Достал из холодильника большую пачку мороженого, положил на блюдечко, поставил перед Полиной и сунул ей в руку ложку.

– Пожалуйста!

Полина рассмеялась.

– Я и не знала, что у нас есть мороженое.

– Да я еще пару дней назад купил, но совсем об этом забыл.

Мы поели мороженого. Полина с сосредоточенным видом, задумавшись, постукивала по блюду ложкой, выбивая какой-то ритм. И вдруг я понял, какой это ритм. Мои черные колокола! «Black Sabbath».

– Теперь и меня они будут преследовать, – сказала она. – Первое, что я слышала, как только начала работать с плеером, были эти «Колокола», они и привели меня к дороге. Я смотрела на твоего умирающего брата и вдруг поняла, что это не я смотрю, а кто-то другой, тот, кем я стала. Он смотрел на Стаса с такой отчаянной болью, которую не заглушить никогда. А «Колокола» все звучали. И усиливали боль. Когда выносить это стало просто невозможно, я... вернее, он повернулся и пошел и вдруг оказался здесь, в нашем офисе. Во всяком случае, обстановка была очень похожей – я еще помню, как все это выглядит, – Полина грустно улыбнулась. У меня защемило сердце, я взял ее за руку, но она покачала головой. – Не надо, все нормально, я просто хотела объяснить... Ну вот. Был уже вечер, начало одиннадцатого. Не знаю, почему этот человек – тот, которым я стала, – решил задержаться на работе. Наверное, ему было грустно оттого, что все остальные утром улетели отдыхать в Болгарию. День был очень жаркий, совсем, как сейчас, и вечером не стало легче. Я... то есть он, просто умирал от духоты. Открыл все окна. И тут зазвонил телефон. Человек, который ему позвонил, Сотников Владимир Петрович, говорил очень сбивчиво – кажется, был сильно напуган. Он сказал, что его собираются убить, вероятно, кто-то из его бывших пациентов. Он врач, нарколог, работает в реабилитационном центре на улице Володарского.

– Как?! – не выдержал я. – Это ведь тот самый центр, в котором Стас проходил лечение!

– Да? Может быть. Так вот, Сотников просил подъехать к нему в центр завтра в девять утра. Сказал, что сегодня ночью дежурит в клинике и что ему нужно что-то показать на месте.

– Кому показать? Как он назвал человека, которому звонил?

– В том-то и дело, что никак. Он спросил: «Это детективное агентство?» А имени не назвал. Да и как он мог узнать имя? Мы вот никаких имен в объявлениях не даем. Он, наверное, звонил по объявлению.

– Ладно, извини. Больше не буду тебя перебивать.

– Потом я опять оказалась у дороги и смотрела на Стаса глазами этого человека. Звучали «Колокола». Я подошла совсем близко, наклонилась к нему и почти смогла с ним слиться, но мне стало так больно! Эта боль буквально выбросила меня из его тела. Я оказалась в каком-то незнакомом кабинете. Там было все перевернуто вверх дном. На полу лежала фотография девушки лет двадцати в рамке с разбитым стеклом. Она произвела на меня очень сильное впечатление. Когда-то где-то я ее уже видела, только не могла вспомнить где. То есть, – Полина смутилась, – что это я говорю! Это на того, кем я была в тот момент, фотография произвела сильное впечатление. Это он не мог вспомнить... Я все время сбиваюсь. Так трудно отделить себя от того, за кого проживаешь предсмертные мгновения. А тут все еще сложнее – два образа, которые путаются: совсем молоденький мальчик и взрослый мужчина. И если молодой – это почти наверняка Стас, то кто тот, второй, – не знаю. – Она немного помолчала. – Постараюсь больше не путаться. На обороте фотографии была надпись: «Вчера наступит завтра». Почему-то и эта надпись тоже на него подействовала. Он все время отвлекался на разные детали и потому не сразу заметил убитого.

– Убитого?! – воскликнул я, забыв, что обещал не перебивать.

– Да. Сотников был убит ночью. В двенадцать пятнадцать. На полу валялись настенные часы. Они остановились на этом времени. Наверное, Сотников сопротивлялся, завязалась борьба, потому там и был такой разгром.

– Странно! – опять вклинился я в ее рассказ. Насколько я понимаю, все произошло в клинике. Тогда почему никто ничего не услышал? Там ведь полно народу: пациенты, дежурный персонал.

– Кабинет нарколога находится далеко от палат и поста медсестры, в другом конце коридора. Там такой еще заворот, – Полина показала руками расположение коридора. – В этом закутке всего три двери: кабинет нарколога, кабинет главврача – но ночью его, понятно, не было, и еще одно помещение, полное аппаратуры, при помощи которой проводилось лечение. В общем, никто, как потом выяснилось, ничего не услышал. Я... Этот человек... Давай назовем его детективом, – Полина досадливо поморщилась. – Детектив наклонился над убитым, хотел проверить пульс: ведь тот мог оказаться жив, только без сознания. Пульса не было, но он обратил внимание на одну странность: стояла жуткая жара, а убитый был в пиджаке. Сверху медицинский халат, а под ним пиджак.

– Да, действительно странно. Но некоторые люди мерзнут даже в жару. Может, у него давление было пониженное или еще что-нибудь.

– Может быть, – согласилась Полина. – Детектив тщательно исследовал кабинет. На глаза ему опять попала фотография девушки. Он долго на нее смотрел, и тут я опять оказалась у дороги рядом со Стасом. – Полина замолчала и, явно неосознанно, стала выстукивать ритм «Колоколов». – Потом, не знаю, как это произошло, я стала ощущать Стаса. Ну или того, кто лежал на дороге, мы ведь точно не знаем, Стас это или нет. Сквозь ужасную боль, которая меня поглотила, пробивалась одна невыносимая мысль: я не смогла спасти Алевтину, теперь она тоже погибнет. Ну, то есть так думал этот молодой человек. Он был в нее влюблен, а ей угрожала какая-то опасность. В следующий момент я опять оказалась в кабинете убитого врача. Детектив позвонил знакомому следователю, рассказал, что произошло. Тот обещал приехать с

бригадой оперативников. Все время, пока их ждал, детектив смотрел на фотографию девушки и пытался вспомнить, где раньше видел этот портрет. Потом приехала опергруппа, детектив, уже под протокол, рассказал все, что знал по этому делу, и его отпустили. В коридоре он услышал, как какая-то женщина говорила кому-то, что нужно сообщить Алевтине, он понял, что так зовут девушку на фотографии и что она – жена убитого врача.

Полина опять замолчала. Я видел, что она совершенно измучилась – рассказ отнял у нее много сил. В какой-то степени она заново переживала все эти события, как свою собственную историю жизни. Я принес ей воды. Она попила и продолжила:

– С Алевтиной он встретился на следующий день. Она работала в магазине оргтехники и была намного старше той девушки с фотографии, ровесницей детектива. Но он все равно ее узнал. Она наняла его расследовать убийство мужа, так как не надеялась на полицию. А потом... Потом они полюбили друг друга, – быстро и как-то стыдливо закончила Полина.

– Да, – хмыкнул я, – и башмаков еще не износила.

– Ну... – Полина замялась, продолжая отчего-то смущаться, – такое бывает. Алевтина была очень несчастна, мужа никогда не любила, и... вот.

– Не любила мужа, сразу сошлась с детективом, кем бы он ни был, – задумчиво начал перечислять я ее прегрешения, – на следующий день после убийства мужа пришла на работу...

– Она это объяснила, – вступилась за Алевтину Полина. – Ей невыносимо было оставаться дома одной, вот и вышла на работу. Там все-таки люди и вообще.

– Ну да, ну да, – ироничным тоном проговорил я, абсолютно никакого сочувствия к вдове не испытывая. – А не она ли и прикончила нелюбимого муженька? А? Как ты думаешь? Кстати, как он был убит?

– Ударом по голове каким-то тяжелым предметом, который не был найден на месте преступления. Алевтина физически не могла этого сделать.

– Ну... есть женщины в русских селеньях, – опять начал я иронизировать, но Полина меня не поддержала.

– Алевтина к ним не относится. Она невысокого роста и совсем не атлетического телосложения: немного полноватая, очень женственная и... Нет, это не она!

– А почему ты ее так защищаешь? – Я вспомнил ее влюбленную улыбку, когда она пребывала в своем трансовом сне, и мне стало неприятно. Я даже почувствовал нечто вроде ревности.

– Не защищаю, просто знаю, что это не она. Ей самой грозила опасность.

– Да? Так ты, может быть, знаешь, кто убийца?

– Нет. Ты разбудил меня слишком рано. Детектив не успел довести расследование до конца.

Мы замолчали. Полина опять начала в задумчивости барабанить по столу пальцами. Не знаю, что меня больше нервировало: эта появившаяся у нее чужая привычка – не чужая, не чужая, Стасова! – или то, что она выбивала ритм моих «Колоколов». Я тоже задумался. Полученной информации было и много, и мало, но главного мы не добились: не узнали наверняка, кто погиб – Стас или другой, похожий на него человек. По описанию Полины, парень на дороге был похож на моего брата. И ее привычка барабанить пальцами по столу тоже принадлежала Стасу. Но эта привычка ничего не доказывала, слишком уж она распространенная. И описание не доказывало: это мог быть его двойник. Но больше всего сбивал второй образ – образ этого детектива. Кто он такой, черт возьми?

– Помнишь, ты говорила, – начал я, Полина вздрогнула от звука моего голоса – он неожиданно громко прозвучал в тишине офиса, мы так долго молчали, задумавшись каждый о своем. – Ты сказала, что видела свое отражение в зеркальной двери. Ну, то есть не свое, а того человека, кем ты была в тот момент, – отражение этого детектива. У тебя по этому поводу возникла какая-то мысль. Какая?

– Никакая, – быстро и как-то фальшиво равнодушно произнесла Полина. Я понял, что она что-то недоговаривает.

– Он на кого-то похож? – продолжал настаивать я.

– Ни на кого он не похож! – раздраженно сказала Полина. – Я и видела-то его всего секунду, ничего не успела рассмотреть.

Точно скрывает! Но что? Правды от нее не добьешься: если она о чем-то не хочет говорить, ни за что не скажет.

– Хочешь еще мороженого? – спросил я, чтобы разрядить обстановку.

– Хочу! – обрадовалась Полина возможности уйти от неприятного разговора.

– И я, и я тоже хочу! – восторженно заверещала Людочка. Мы и не слышали, как она вошла в офис. – У меня для вас потрясающая новость, дети мои! Завтра мы все улетаем в Болгарию!

* * *

Новость действительно нас потрясла. Полина изменилась в лице, сильно побледнела, мне даже показалось, что она сейчас потеряет сознание. Я бросился к ней, потом к холодильнику, чтобы налить воды, потом снова к ней, ничего не соображая от потрясения. Людочка все эти беспорядочные движения приняла за проявления бурного восторга по поводу предстоящей поездки и разливалась соловьем.

– Курорт Золотые Пески – сказочное место! – вещала моя безумная кузина. – Я видела фото пляжей в Интернете. Вы не представляете, какая красота! Мне сразу захотелось там оказаться. А какие рестораны, бары, клубы!

Я с трудом напоил Полину водой – у меня дрожали руки, а у нее ходуном ходил подбородок. Налил еще воды и выпил сам.

– Ой! Дайте и мне водички! – взвизгнула Людочка. – Пить хочу – умираю! Такая жара! – Она залпом выпила стакан ледяной воды, по-тюленьи пофыркала и продолжила расписывать прелести отдыха. – Вода двадцать шесть градусов, парное молоко! – Она блаженно прикрыла глаза, видимо, представляя себя плывущей по этому парному молоку. – Ух! Жара! Но потерпеть осталось недолго: завтра мы уже будем прохлаждаться на пляже. Место я застолбила. Представляете, как повезло! У них оказались три горящие путевки. Не одна, не две, а именно три! Как раз для нас!

– У кого – у них? – болезненным голосом спросила Полина.

– В агентстве путешествий. Я же говорила! – Она повернулась ко мне – я пожал плечами: видимо, начало рассказа мы пропустили. – Вы вообще меня слушаете? – возмутилась Людочка. Но тут же примирилась с нашей невнимательностью, вероятно объяснив ее тем, что мы просто обалдели от восторга. – Ладно! – Людочка добродушно рассмеялась. – Начну сначала. Вы ушли на работу, мне стало скучно, решила прошвырнуться по городу. Набрела на агентство путешествий и... И вот мы завтра летим отдыхать в Болгарию! Причем, заметьте, почти за бесценок. Я зашла за вашими паспортами. Вы рады?

Ни я, ни Полина ей ничего не ответили. Людочка внимательно посмотрела на нас и, кажется, только сейчас заметила, что мы совсем не разделяем ее энтузиазм по поводу Болгарии.

– В чем дело? – с зарождающейся яростью спросила она. – Вы что, не хотите ехать?

– Хотим, хотим! – поспешил я ее заверить. – Но, видишь ли, мы не можем. – Я обвел рукой пространство вокруг, Людочка проследила за моим жестом.

– Что – не можете? Закрывать на две недели вашу шарашкину контору? – Она закатила глаза и картинно упала в кресло для посетителей, в котором во время трансового путешествия сидела Полина. А я впервые подумал, отражается ли на вещах, соприкасающихся с Полиной, энергетика страдания умирающих людей?

– Понимаешь, у нас осталось одно незаконченное дело.

– Ну так заканчивайте его поскорее. Времени до завтрашнего дня еще куча!

– Нет, так не получится.

– Значит, в Болгарию вы не едете? – совсем разозлившись, проговорила Людочка. – Ну и черт с вами! Я поеду туда одна!

Она выскочила из офиса, хлопнув дверью.

Я подошел к Полине, сел рядом, взял ее за руку и слегка сжал.

– Да нет, – она высвободила свою руку. – Со мной все нормально. Просто у нас уже два совпадения из моего видения: наш офис и Болгария. Значит, и остальное сбудется.

– Ну что ты! – Я снова взял ее за руку. – Как оно может сбыться? Ведь то, что ты увидела, происходило в прошлом.

– Да, – согласилась она, но я понял по ее голосу, что она в этом не уверена.

– И потом, второе совпадение мы отменили: в Болгарию никто из нас не полетит. Да и вообще, не понимаю, отчего ты так расстроилась?

– Да оттого, – почти срываясь на крик, проговорила она, – что у человека, чье отражение я видела в зеркальной двери, было твое лицо!

Я долго молчал, переваривая это известие. Нельзя сказать, что оно меня как-то особенно поразило или расстроило. А главное, я не понимал, почему Полина на это так реагирует. Даже если все так, даже если она видела именно меня... Нет, меня она не могла видеть, ведь я не в коме, вполне здоров.

– Слушай, – я обнял Полину за плечи, – тут какая-то ошибка. Во-первых...

– Знаю, знаю, что ты хочешь сказать, – перебила она меня. – Раньше я видела людей только между жизнью и смертью. Но это раньше. Возможно, у меня открылся новый дар. – Она это произнесла с таким выражением ужаса на лице, словно речь шла не о даре, а о новой неизлечимой болезни. – С этим плеером ты соприкасался довольно долго, и на нем мог остаться твой энергетический след, через который я и считала твое будущее.

– Ну и что? – Я беззаботно рассмеялся. – Что в нем такого страшного, в моем будущем?

Полина не ответила, только как-то болезненно сморщилась. И тут до меня дошло.

– Ты ревнуешь к Алевтине? – Она опять ничего не ответила, но я увидел, что она еле сдерживается, чтобы не разрыдаться. Я крепко-крепко обнял ее. – Господи, Поинка, какая же ты дурочка! В твоём видении этот детектив влюблен в Алевтину, и ты подумала... Но вот уж это сбыться точно не может! Потому что я и так влюблен. На всю жизнь влюблен, ты же знаешь.

Она от меня отодвинулась и нетерпеливо тряхнула головой.

– Дело не только в этом, – всхлипнув, сказала она. – В этом тоже, но это не главное.

– А что же главное? – весело спросил я – Полинина ревность к этой совершенно абстрактной Алевтине меня забавляла.

– Да как же ты не понимаешь? Мой дар, с какой бы новой стороны он ни открывался, все равно так или иначе связан с комой. Возможно, я считала твое будущее через твою будущую кому.

– Н-да, круто замешано! – рассмеялся я. Почему-то будущая кома меня совсем не испугала. – Так круто, что не сразу и сообразишь, что к чему. Но я думаю, дело не в этом.

Полина вдруг разрыдалась в голос. Она никогда не плакала – вообще никогда! И это было так странно и так ужасно, что я растерялся.

– Ну не плачь, не плачь, ну пожалуйста! – уговаривал я ее, понимая, что совершенно не умею утешать, не научился, ведь она же никогда, никогда не плакала. – Ну, Поиночка, ну, не надо.

Я принес из холодильника бутылку воды, попытался ее напоить – ничего не вышло, она отталкивала мою руку и не желала взять стакан. Потом я попытался ее умыть, налив на ладонь

воду из бутылки, – тоже безуспешно. Я уже сам был готов разрыдаться, не зная, как ее успокоить.

– Ну все, ну, Полинка! – Крепко-крепко прижав ее к груди, я стал мерно раскачиваться, надеясь укачать ее, как плачущего ребенка. И это действительно в конце концов помогло. Все еще всхлипывая, она осторожно высвободилась из моих слишком крепких объятий.

– Прости. Может, все еще обойдется.

– Конечно, обойдется! – поспешил я ее заверить. – Даже не сомневайся, все будет хорошо. Лучше скажи, как он выглядел. Тот, чье отражение ты видела. – Мне пришла в голову одна мысль: я понял, как смогу успокоить Полину.

– Как ты. Тридцатилетний мужчина...

– Вот-вот! – обрадовался я: моя мысль подтверждалась. – Тридцатилетний! А мне тридцать четыре!

– Какая разница?

– Большая. Ты меня видела, когда мне было тридцать. С тех пор я изменился, но у тебя в памяти навсегда остался тридцатилетним.

Я говорил бестактные вещи, совершенно этого не замечая, – мне нужно было высказать одну мысль, которая вдруг пришла мне в голову. Но, кажется, и Полина никакой бестактности не заметила.

– И к чему ты клонишь? – уже совсем успокоившись, спросила она.

– А к тому, что это был не я. Это был повзрослевший Стас – мы с братом, как недавно выяснилось, очень похожи. Вот его лицо ты и приняла за мое.

– Повзрослевший Стас? – задумчиво проговорила Полина. – Но ведь в таком случае мы опять пришли к тому, с чего начали. Как может быть твоему брату, погибшему в восемнадцатилетнем возрасте, тридцать лет?

– Никак не может, – согласился я. – Но это уже не первый факт, указывающий на то, что он жив.

– И находится в коме. Или в будущем будет находиться.

– Значит, нужно постараться найти его раньше, чем с ним что-нибудь такое случится. И я даже знаю, как это сделать. Прямо сейчас поеду к Борису и вытрясу из него всю правду!

* * *

Все время, пока ехал к Борису, я пытался выстроить предстоящий разговор. Это было непросто, потому что я и сам до конца не знал, какой именно правды хочу от него добиться. На все мои вопросы он уже ответил: Стаса сфотографировал случайно, знаком с ним никогда не был, даже не видел его ни разу, если не считать той мимолетной встречи возле магазина оргтехники, о которой он благополучно забыл. Конечно, возможен и такой вариант: он меня обманывает. Но если еще полчаса назад, когда мы разговаривали с Полиной, я верил в то, что Стас может быть жив, то сейчас, отрезвев, понял, что это невозможно. Он погиб на моих глазах, нужно принять этот факт и больше себя не мучить. Так какой правды я хочу добиться от Бориса?

С половины пути я чуть было не повернул назад, но потом опять мною овладела какая-то нелепая надежда на чудо. А вдруг? Вдруг он все-таки жив, и Борис что-то знает? Тогда нужно построить разговор таким образом, чтобы заставить его проговориться, подловить, притупить внимание, а потом задать свой главный вопрос, но облечь его в такую невинную форму, что Борис не почувствует подвоха и... Но как построить такой разговор? С чего начать?

Я ломал голову всю дорогу, но мои усилия оказались напрасны. Дверь мне открыл незнакомый мужчина примерно моего возраста, может, чуть моложе. Едва поздоровавшись и не подумав представиться, он открыл дверь в ванную.

– Это здесь, – сказал он и жестом пригласил войти внутрь. У меня возникла жуткая мысль, что Борис совершил самоубийство, перерезал себе вены и лежит в ванне. Я вошел в тесное помещение, наполненное паром, задев плечом мужчину (он что-то пробормотал), резко отодвинул занавеску – и вздохнул с облегчением: ванна была пуста.

– Это здесь, – повторил он и ткнул в трубу, перехваченную железным хомутом.

Не понимая, чего он от меня хочет, я зачем-то ее потрогал – труба была шероховатой и влажной. Мне стало неприятно: хомут на трубе напоминал обруч на стволе дерева, под которым был сфотографирован Стас.

– Сколько времени это займет? – спросил странный мужчина. Я ошарашенно уставился на него. – Надеюсь, недолго. Мне вообще-то некогда.

Я ничего не понимал, ну совершенно ничего. И это меня начало раздражать.

– Где Борис? – сурово спросил я. – И что вы делаете в его квартире?

– Жду вас, – сердито сказал мужчина. – Уже целый час, а мне нужно на работу. Я отпросился только до двух.

Маразм крепчал, что называется.

– Так сколько времени вам понадобится, чтобы переставить трубу? – не желал он сходить с какой-то своей бредовой идеи.

– Трубу? – тупо переспросил я.

– Трубу! – ядовито проговорил он.

И тут мы с ним одновременно сообразили, что произошло недоразумение.

– Вы слесарь? – спросил он, уже понимая, что никакой я не слесарь.

– Нет, я частный детектив и знакомый Бориса. А вот вы кто такой?

– Сосед, – смутившись, сказал он, протянул руку – робко, словно не надеясь, что я ее пожму, после того что было, – и представился: – Анатолий.

Он объяснил, что у Бориса прорвало трубу, что тот вызвал аварийку, они приехали, отключили горячую воду у всего стояка, наложили хомут и отчалили, пообещав на прощание вызвать слесаря из ЖЭКа. Борису нужно было пойти на прием к врачу, вот он и попросил Анатолия по-соседски ему помочь, подождать в его квартире слесаря.

– А что, Борис заболел? – озабоченно спросил я: его внезапная болезнь совершенно не входила в мои планы.

Анатолий как-то странно на меня посмотрел и усмехнулся.

– Заболел. Давно уже. – Он опять усмехнулся и постучал себя по голове. – Да вы разве не в курсе? Каждые полгода ему нужно являться на обязательный осмотр к психиатру.

Вот это была новость так новость! Я, конечно, понимал, что Борис Стотланд – человек со странностями, но о том, что все так серьезно, даже не догадывался. А потом подумал, что, в сущности, о Борисе ничего не знаю и что встреча с его соседом – прекрасная возможность собрать о нем хоть какие-нибудь сведения.

Анатолий оказался просто кладезем информации. Очень общительный, чтобы не сказать болтливый, и к тому же знал Бориса с самого детства. Правда, тогда они почти не общались. Из-за разницы в возрасте (Анатолий был младше на девять лет), а главное, из-за замкнутости Бориса.

– Он и во двор-то никогда не выходил, – не спеша предавался воспоминаниям Анатолий, совершенно забыв, что так спешил уйти на работу. – Борька всегда был с приветом. Ни с кем не дружил, никого не любил, кроме своей мамочки. Они жили вдвоем, и никто им был не нужен. Да у Борьки даже девушки не было. Наверное, мама не разрешала. – Анатолий засмеялся. – Она ему заменяла и друзей, и семью. А когда она умерла, он и сдвинулся. Закрылся в квартире, бросил работу и стал пить по-черному. Потом лечился, пить перестал, но с головой у него стало еще хуже. С год назад мы с ним сошлись, можно сказать, подружились, он мне многое про себя стал рассказывать. – Анатолий замолчал, не вовремя задумавшись.

– О чем рассказывать? – подтолкнул я его вопросом.

– Да обо всем! Например, что совсем не спит по ночам, в полдвенадцатого выходит на прогулку и гуляет до полвторого, потом работает, ложится около пяти утра, встает поздно, поэтому не любит, когда к нему приходят ни свет ни заря, особенно без предупреждения. У него фобия: лечь до пяти он боится. Его мать умерла в больнице ночью, в двенадцать пятнадцать ему позвонили, разбудили. С тех пор он боится опять проснуться от того страшного звонка. У него вообще полно разных фобий. А время от времени происходит срыв, и его в психиатрическую больницу увозят. Мне его жалко. Борька, в общем-то, нормальный мужик, ну а что с головой беда, так он не виноват.

Наш задушевный и такой полезный для меня разговор прервал звонок домофона. Пришел слесарь. Настоящий слесарь. Анатолий вдруг вспомнил, что опаздывает на работу, и ретировался, бросив меня на произвол работника ЖЭКа.

Слесарь возился часа два, не меньше. Нецензурно сетовал, что трубы гнилые, надо было металлопластик ставить, а так в одном месте латаешь, в другом прорывается.

– Ставьте что хотите, – махнул я рукой и ушел в комнату. Включил компьютер. Надеюсь, Борис меня простит за то, что я так бесцеремонно внедрился в эту святая святых современного человека. Лично я не простил бы, но мне нужно было позвонить в центр реабилитации, а для этого найти номера телефонов. Я хотел выяснить, работает ли у них доктор Сотников. Оказалось, работает. Значит, жив, никакого убийства не было.

Потом позвонил Полине, объяснил, что застрял в квартире Бориса на неопределенный срок. Хотел помириться с Людочкой, но из этого ничего не вышло. Едва услышав мой голос, она отключилась. Видно, обиделась всерьез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.